

ЗВЕЗДА РУНЕТА

В ПЛЕНУ

ЛАНА ЧЕРНАЯ

500 000 ПОКЛОННИКОВ СЕРИИ

Звезда Рунета

Лана Черная

В плену

«АСТ»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Черная Л.

В плену / Л. Черная — «АСТ», 2018 — (Звезда Рунета)

ISBN 978-5-17-106688-8

Меня зовут Алиса. И мой муж – монстр. Он богат, жесток и циничен – для него жизнь не стоит и ломаного гроша, особенно чужая. Он украл у меня любовь. Для него я – игрушка. Но ради спасения отца я готова на все, даже жить в плену у монстра. Вот только иногда мне кажется, что за маской уroda и чудовища прячется отчаянно одинокий мужчина...

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-106688-8

© Черная Л., 2018
© АСТ, 2018

Содержание

Зачин	5
Часть 1	8
Часть 2	15
Часть 3	18
Часть 4	21
Часть 5	25
Часть 6	29
Часть 7	33
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Лана Черная

В плену

Зачин

Алиса. Сейчас

Нет ничего лучше контрастного душа после нескольких дней в дороге и бессонной ночи.

Закрутив кран, выбираюсь из ванны, растираю докрасна кожу и закутываюсь в полотенце. Просушиваю светлые, до пояса волосы, расчесываю и скручиваю в косу, отмечая, что мучившая всю ночь головная боль прошла. Осматриваю себя в маленьком зеркале: уставшая, с темными кругами под глазами, со счастливым блеском в больших синих глазах. Увиденное меня устраивает, и я шлепаю на кухню, мечтая об ароматном кофе. Заглядываю в спальню: Антон дрыхнет, с головой накрывшись простыней.

«Смешной», – с улыбкой думаю я. Он и заснул, едва прилег. Шутка ли, почти двое суток за рулем просидел. Но оно того стоило. Мы сумели! Сбежали! И никто не гнался за нами. Никто не пришел следом, хотя я то и дело вздрагивала от каждого звука, отчетливо слышимого через тонкие стенки хрущевки. И так и не смогла заснуть. Зато сейчас чувствовала необычайную легкость: все будет хорошо!

Снимаю с себя полотенце, подставляя обнаженное тело игривым лучам солнца. И шагаю в кухню, но застываю на пороге.

Сердце ухает в пятки, ноги подкашиваются и, если бы не дверь, за которую я хватаюсь, – наверняка упала бы. Напротив окна спиной ко мне стоит высокий поджарый мужчина. Черные волосы зачесаны назад, черный костюм идеально сидит на его идеальном теле, такая же черная, матово поблескивающая трость в руках. Идеальный до скрежета зубов и дрожи в коленях. Потому что я знаю, какое чудовище прячется под этим идеалом. Мой муж и мой персональный кошмар.

Как он нашел нас? Мы ведь все проверяли, тщательно заматали следы и были очень внимательны – за нами никто не следил. Я точно уверена в этом! Но тогда как? Как этот человек так быстро нашел меня – и суток не прошло? И легкость, еще минуту назад наполнявшая меня до краев, невидимыми кандалами сковывает по рукам и ногам. И назойливая головная боль долбит виски.

– Набегалась? – тихий голос звучит властно и пугающе. По телу рассыпаются мурашки, и становится невыносимо холодно. Хочется закутаться во что-то, спрятаться с головой, как Антон. При мысли о спящем за стенкой Антоне в животе поселяется страх. Я должна защитить его, предупредить, но ноги словно приросли к полу.

– Ты... – голос подводит меня, звучит жалобно. А так много вопросов вертится на языке. Как долго он здесь? Как попал в квартиру? И главное – зачем ему я?

– У меня слишком мало времени, – он по-прежнему не смотрит на меня. Наверное, так даже лучше, потому что его взгляд я вряд ли вынесу. – Собирайся.

– Нет, – я даже мотаю головой для убедительности. И сама опешиваю от сказанного. Знаю – ему нельзя перечить. Помню, чем это грозит. Но сказанного уже не воротишь. Да и бояться больше нечего.

Он оборачивается. Половину его лица скрывает маска, а на другой – презрительная ухмылка. Я передергиваю плечами. Делаю вдох и на выдохе все-таки спрашиваю:

– Зачем тебе я?

Он молчит недолго. И в его черных, как сама ночь глазах, мелькает что-то странное, едва уловимое. Он подходит ко мне, остановившись настолько близко, что я слышу его дыхание и терпкий запах можжевельника.

– Мы заключили сделку, – холодный, едва слышный ответ. – Не думаю, что твой отец обрадуется, узнав, почему ему придется умереть.

– Ты... – я задыхаюсь собственными слезами. – Ты – монстр, слышишь? И я буду всю жизнь ненавидеть тебя!

Выплываю в его каменное лицо, чувствуя, как меня бьет крупная дрожь.

А в ответ лишь хриплый смех. И тяжелые шаги. Он больше ничего не говорит. Покидает кухню, уверенный, что я пойду следом. И ему плевать, что на мне нет одежды. Ну что ж. Ладонью вытираю слезы. Мне тоже плевать. Сжимаю кулаки, собирая остатки воли. Бросаю прощальный взгляд на спальню, где остается мое счастье. Проглатываю подступивший к горлу комок. Я всегда понимала, что нам не быть вместе. С тех самых пор, как обручилась с другим. Не знаю, как Антон смог меня простить, но после сегодня уже ничего нельзя будет изменить.

Босая и совершенно голая, я следую за мужем. Пусть ему станет стыдно. И тут же горько усмехаюсь. Этому человеку чужды любые эмоции, кроме презрения и ненависти ко всему живому. И еще, пожалуй, чувства собственника. Он не отдает то, что принадлежит ему. А я – его собственность.

Щербатые ступени обжигают холодом, леденят ступни. Что-то острое хрустит под ногами. Боль вгрызается под кожу, судорогой сводит пальцы. И я едва не падаю на ступенях. Снизу доносятся быстрые шаги, и молодой парень замирает на пролет ниже. Смотрит оценивающе, присвистывает, но натывается на мой взгляд и отшатывается в сторону. А потом и вовсе сбегает. Где-то наверху хлопает дверь. Я оглядываюсь. Тишина растекается по подъезду, давит. Я задыхаюсь, борясь со слезами. Лестница обрывается – ступеней оказывается ничтожно мало. На последней едва не падаю, подворачиваю лодыжку. Закусываю губу, сдерживая крик. Слезы падают на щеки. Но я выпрямляюсь, толкаю подъездную дверь и выхожу на улицу.

Солнце ослепляет, лишает последних сил. Ноги заплетаются, и я падаю в чьи-то руки. Голова кружится, перед глазами расплываются фиолетовые круги. Чей-то хриплый голос о чем-то спрашивает, но в ушах словно вата набита. Я не понимаю, лишь жадно глотаю воду из поднесенной к губам бутылке.

Жара сменяется прохладой салона. Тело окутывает приятное тепло.

Немного придя в себя в машине, понимаю, что закутана в пиджак, отчего-то пахнущий можжевельником. От ненавистного запаха мутит.

А издали доносится короткая фраза:

– Он должен исчезнуть.

Я резко сажусь. В голове разливается звон.

– Марк... Марк... – зову я, придвинувшись к открытой дверце машины. – Марк... – цепляюсь пальцами за белоснежный рукав его рубашки. – Пожалуйста...

Но он стряхивает мою руку, даже не взглянув на меня, и захлопывает дверцу.

Через стекло я наблюдаю, как его охранник, чье имя вылетело из головы, уходит в дом. Он долго не возвращается. Кажется, целую вечность. И сердце гулко стучит в груди.

Марк стоит у машины и курит. И в эти минуты я ненавижу его и себя. Потому что это я убиваю Антона в это самое мгновение. И вышедший охранник, поправляющий кобуру, подтверждает самое страшное.

Мир выплывает в одночасье. Я кричу, бьюсь ладонями в стекло.

Марк не шевелится. Что-то говорит охраннику, затем водителю, оба кивают. Охранник снова возвращается в дом.

За спиной хлопает дверца. Рядом оказывается Марк.

Я набрасываюсь на него, проклиная и молотя кулаками. Он не отстраняется, и я замечаю, как из разбитой губы сочится кровь. Но мне все равно, я бью наугад. Хочется лишь одного – убить этого монстра, только что укравшего целую жизнь. Но Марк перехватывает мои запястья, сжимает, заводит за спину. Я вырываюсь, шипя и рыча. Кусаю его за руку. Пощечина приводит в чувства. Я всхлипываю. Марк отпускает меня. Я зарываюсь лицом в ладони, ощущая, как щека наливается красным.

– Поехали уже, – рычит Марк водителю.

Машина трогается с места, а я падаю на сиденье, не сдерживая рыданий.

Часть 1

Алиса. Раньше

Я вышла на крыльцо больницы, задрала голову и зажмурилась, подставляя лицо теплему весеннему солнцу. Сбежала, как только появилась возможность. Так и не перестала бояться больниц. Рядом проехала машина. Повернулась на звук: белый с зелеными полосами фургон затормозил у самого крыльца. Из него выбрались двое в бронежилетах, направились к банкомату. Я проводила их взглядом. Жаль, что у меня нет знакомого банкира – попросила бы денег. Не банк же грабить, в самом деле? А деньги нужно искать быстро. Врач сказал, счет идет на часы. Операция папе нужна срочно. А если не будет денег, не будет и операции. Логика проста как дважды два. Вот только вариантов – мизер, да и те никудышные.

Спустилась по ступеням, прошла по аллее, села на свободную лавочку под кленом – подумать.

Вариантов раздобыть сумму на операцию в кратчайшие сроки немного.

Первый и самый очевидный – продать все, что можно продать. А единственное, что я имела, – добротный дом за городом, где мы жили с папой. Антон сможет сделать это очень быстро. Надо ему позвонить. Выудила из кармана телефон. На дисплее высветились пропущенные вызовы, аж пятнадцать штук. И все от Катки. Перезвоню позже. Набрала Антона. Недоступен. Набрала снова – та же история. Странно. Он всегда был на связи. Работая страховым агентом, он был очень обязателен и всегда следил, чтобы до него можно было дозвониться. Снова набрала номер. Безрезультатно. Включила автодозвон. Я не знаю, сколько это продолжалось, но механический голос робота уже въелся в мозги, а я все пыталась дозвониться. И от ожидания и нудного голоса начинало покалывать в висках – верный признак разгорающейся мигрени. Достала из сумочки бутылку минералки и обезболивающие, выпила сразу две таблетки, чтоб наверняка. Перезвонила на работу, взяла пару отгулов, выслушала сочувственные речи директрисы Ирины Вацлавовны, пообещавшей любую посильную помощь, поблагодарила и отключилась, чувствуя, как в затылке свинцом наливается раскаленный шарик мигрени. Поморщилась, отчетливо понимая, что таблетки уже не помогут. Вдохнула, набирая еще один номер. На завтра у меня было запланировано прослушивание для детского конкурса, где из трех талантливых учениц нужно выбрать одну. Но я понимала, что не сумею сейчас заниматься чем-то, кроме поиска денег для папы. Просить провести прослушивание чопорную приверженку классики во всем, даже в серых скучных костюмах, Изольду Марковну означало потратить полчаса на грубую лесть, хваля не только ее талант пианистки (а играла она на рояле божественно), но и методы ее преподавания: жесткие и местами деспотические, – и бросить моих девчонок на растерзание «злюке-клюке», как дразнили ее мои ученики. Но другого выбора не было – лучшего профессионала мне не сыскать. Поэтому, когда я распрощалась со «злюкой-клюкой», свинцовый шарик в затылке разросся до размеров увесистого булыжника. И отчаянно хотелось засунуть голову в чан со льдом и ни о чем не думать. Но приходилось. О папе, который едва не умер за своими изобретениями. И если бы не тетя Аня, заглянувшая на полуденный чай, сейчас уже некого было бы спасать. О деньгах, которые я абсолютно не представляла, где искать. Об Антоне, так не вовремя пропавшем, что даже по телефону поговорить не было никакой возможности. Тот оставался вне зоны, хотя я снова и снова набирала выученный наизусть номер. Поэтому, когда затрещив телефон, я невольно дернулась, едва не выпустив трубку. И тут же поморщилась от резанувшей по вискам боли.

Посидела недолго, зажмурившись, и, только когда шторм в голове немного утихнул, ответила, на сто процентов уверенная, что звонит именно Антон.

– Антон, слава богу, – выдохнула, в своей уверенности даже не глянув на дисплей. – Как ты?

– Я хорошо, – прозвучал в трубке голос подруги.

– Катька? – посмотрела на дисплей: точно, ее имя.

– С утра Антоном точно не стала, – фыркнула подруга. – А что с ним, кстати?

– Дозвониться не могу, – ответила. Плохое предчувствие не давало покоя, звенело в висках. – Никогда раньше такого не было.

– Все когда-то бывает в первый раз, – мрачно заключила подруга. – В случае с Антоном, так вообще поразительно, что он так долго продержался.

– Катька, ты чего? – удивилась я. – Ты что-то знаешь? – спросила с подозрением.

– Да ничего я не знаю, – отмахнулась подруга. И тут же добавила: – Мне тетя Аня звонила. Сама-то чего не набрала, а?

Я не ответила.

– Как папа?

– Ох, Катя, – вздохнула, чувствуя, как слезы наворачиваются на глаза. – Все очень плохо.

И я пересказала подруге разговор с врачом. Та выслушала внимательно, не перебивая. Как и мое решение продать дом.

– И дальше что? – укорила она. – Продашь ты дом. Жить где будешь?

– Квартиру сниму, – парировала я.

– А отца куда потом приведешь? В съемную квартиру? Или ты хочешь, чтобы его после операции снова инфаркт хватил? Он когда узнает, что ты дом продала, ляжет тут же. Как будто ты дядю Борю не знаешь, честное слово.

Катька была отчасти права. Папа сам дом строил, всю душу в него вложил. Да и сад яблоневый, посаженный возле дома, он любил. Каждое деревце. Ухаживал, как за девушкой. Говорил, что яблоньки ему о маме напоминают.

– Так, а что делать?

– Есть у меня одна мыслишка. Без твоего Антона справимся, – мое возмущение подруга проигнорировала. – Ты где сейчас? В больнице?

– Угу.

– Сиди на месте и жди меня. И не смей там реветь сейчас, – прикрикнула, когда я шмыгнула носом. – Держи нос по ветру, подруга. Все будет хорошо.

Через час мы уже сидели на Катькиной кухне и обсуждали план поиска денег. Все мои идеи подруга лихо отмела и теперь крутила бокал вина. Я знала этот ее потерянный взгляд – что-то задумала. А я вертела золотую визитку, всученную мне случайным знакомым в больнице. Кажется, его звали Андреем. Впрочем, я могла ошибаться. Красивая визитка, дорогая. И Катька ее заприметила еще в машине, но тогда промолчала.

– У шеста решила поплясать? – спросила она задумчиво.

Я непонимающе уставилась на нее. Она усмехнулась.

– Визитка приметная. Золотая с красным пауком, – я глянула на кусочек пластика, рисунок совпадал. – Такие только у владельца клубов Криса Ямпольского. Жуткий тип.

– Почему?

– Да так, – неопределенно ответила подруга, но развивать тему не стала.

И снова уставилась на вино в бокале.

– Кать, – позвала я. – Ты чего зависла?

– Есть у меня идея, – она залпом осушила бокал, налила еще.

– Это ты уже говорила. А может все-таки у Антона попросить?

– Откуда у простого страховщика пятьсот штук баксов?

Я пожала плечами. Да, Антон не был миллионером и ездил на стареньком «Шевроле», но он вращался в элитных кругах, страховал крупные компании и заводы и имел кучу влиятель-

ных и небедных знакомых. Кстати, Антон до сих пор не перезвонил. А прошло уже больше двух часов. И телефон по-прежнему вне зоны. Я вздохнула, отгоняя плохие мысли.

– А у тебя? – и глянула выжидающе.

– Я могу продать салон, – спокойно, даже несколько равнодушно предлагала подруга. – Квартиру или машину. Это не проблема, – отмахнулась от моего протеста. – Но дело это не быстрое. Как, собственно, и продажа твоего дома. А деньги нужны очень быстро, как я понимаю? Кредит мне не дадут, висит один уже, – задумчиво объясняла она.

– А где папа деньги взял тогда, когда я в коме лежала, – не помнишь?

– Понятия не имею, – пожала плечами Катька.

– А если...

Я махнула визиткой. Подруга выхватила ее из пальцев и сунула в бокал, скривившись, будто лимон зажевала.

– И ты полагаешь, он даст такую сумму незнакомой девице за красивые глазки? Если еще даст. И не факт, что этот... даритель... вообще имеет какой-то вес в делах Ямпольского. Да и что ты можешь ему предложить? Разве что собственную душу, если возьмет, – и мрачно улыбнулась.

Я отрицательно замотала головой, смутно подозревая, что Катька так странно шутит.

– Так что Ямпольский – не наш вариант. По крайней мере этот.

– Что значит «этот»? – встрепелась я, чуя подвох.

– Сейчас узнаешь. А то маешься со своим Антошей. Взглянуть на тебя страшно: похудела, осунулась, пашешь сутками, а отдачи – ноль. Дай тебе волю, и ночевать будешь в своей музыкалке. А ведь какая девушка, – она подмигнула мне. – Спортсменка, комсомолка и просто красавица, – улыбаясь, скопировала фразу из знаменитого фильма, – да и своих спиногрызов уже пора заводить.

– Кать, ты чего? – возмутилась я. – Ты опять? Какое пристроить? У меня есть Антон.

– И где твой Антон? – она заглянула под стол. – Антон, ау! Нету. А у меня есть отличный вариант.

С некоторых пор подруга моя загорелась идеей выдать меня замуж, при этом совершенно сбросив со счетов, что вообще-то у меня есть любимый мужчина. И бросать его я не намерена. Но она упорно гнула свое, с особой тщательностью подыскивая мне женихов. Мы не раз ссорились по этому поводу. Доходило до слез и хлопанья дверьми. Но Катька не отступала, и я смирилась с ее причудами. Все равно никакого жениха мне не надо, кроме Антона. Но за это время я уже тысячу раз пожалела, что в универе подала ей идею открыть брачное агентство, когда она лихо сосватала мне Антона, тогда самого популярного парня на курсе. Она открыла, а я теперь страдала.

– Судя по твоей довольной физиономии, не иначе как сам принц Уэльский за женой к тебе приехал, – фыркнула я.

– Круче, – она щелкнула меня по носу. – Сейчас все узнаешь. Один момент, – и вылетела из кухни.

– Между прочим, с Антоном ты меня свела! – предприняла я попытку осадить ее рвение.

– Не напоминай мне о самом ужасном дне моей жизни, – вернувшись, простонала Катька, рухнув на стул. – Вот, – положила передо мной бумаги. Я глянула бегло: типовой контракт на сотрудничество с ее агентством.

– И?

– Это твой шанс, – она постучала алым ноготком по договору.

– Какой шанс, если твоему клиенту жена нужна? – я резко встала, налила в стакан воды, выпила.

– Фиктивная жена. Для красоты, – не согласилась Катька.

– Игрушка ему нужна, – уточнила я.

– Пусть так. Но он платит за это деньги, дорогая. И не маленькие. Ты почитай-почитай, – она силой усадила меня обратно. – И спать тебе с ним не придется. А Антон твой, коль любит, поймет и дождется.

– С чего такие выводы? – слегка приподняла бровь.

– Из жизни, – она закурила. – Ему жена для рисовки нужна. Умная. Интеллигентная. И желательно красивая. Ты, в общем.

Я приснула. Катька аргументировать свои доводы не стала. А я пробежала глазами контракт. Сумма гонорара будущей супруги внушала числом нолей, а самое главное – ее хватало на операцию папе. Но была одна загвоздка: гонорар платился частями в конце каждого года супружеской жизни в течение трех лет. А мне нужна была вся сумма целиком и не позднее завтрашнего дня. Наличие интима оговаривалось лаконично: «по обоюдному согласию»; подобная фраза стояла и в пункте продления контракта.

– А кто такой этот Ямпольский? – любопытствовала, наткнувшись на фамилию. Снова Ямпольский. Выходит, этот лучше того, что с визитки? Любопытно, чем же?

– Один из самых богатых мужчин нашей страны.

– Что-то я не слышала о таком? – я призадумалась, вспоминая олигархов, которые мелькали в прессе и почти все время были на слуху. Никакого Ямпольского Марка среди них не было. А о другом я узнала из визитки. Ну и немного от Катьки.

– А он некоторое время назад ушел из бизнеса, – рассказывала Катька, тщательно подбирая слова. – Перестал выходить в свет, оставив свое дело на брата.

– Это который Крис? – уточнила, кивнув на утопленную в бокале визитку.

Катька кивнула.

– А что же сейчас решил проявиться? – продолжала допрос я.

Была в словах подруги какая-то недоговоренность. Словно она умалчивала о чем-то? О чем?

– Откуда ж мне знать? – и пожала плечами. – Но ты не думай, он хороший. И ты ему понравилась.

Посмотрела вопросительно. Понравилась? Когда это он успел меня увидеть? А Катька вместо ответа снова вышла из кухни, а вернулась с черной папкой в руках. Еще один контракт? Я раскрыла папку и ахнула. Фотографии. Мое портфолио. Снимки были роскошные, но я совершенно не помнила, чтобы участвовала в фотосессии.

– Откуда? – спросила, захлопнув папку.

– Мастерство фотошопа, – лукаво улыбнулась подруга.

Я усмехнулась. Снова перечитала контракт. Я готова была отказаться, время еще терпело, а Антон мог отозваться в любую минуту. Но в тот момент, когда я уже раскрыла рот для ответа, позвонил лечащий врач папы. Сказал, что папино состояние ухудшилось. И сколько он еще продержится без операции – неизвестно.

– Сколько у меня времени?

Краем глаза заметила, как напряглась Катька.

– День – два, не больше, – ответил врач. – Ищите деньги, Алиса.

– Я поняла, спасибо.

Перевела взгляд на контракт. Два дня. И легкий способ раздобыть деньги. Но что-то останавливало, словно напоминало о бесплатном сыре и где он бывает. Только поэтому я забрала контракт и уехала домой подумать.

За сутки я успела перебрать все возможные варианты, где можно сыскать такую крупную сумму всего за двадцать четыре часа. В поисках денег я перерыла все отцовские документы и записные книжки. Богатых друзей тот не имел, как и счетов в банке с кругленькой суммой, а обращаться к клиентам смысла не имело. И выяснить, где папа раздобыл деньги пять лет назад, я так и не смогла: Катька не знала, как и тетя Аня, оставшаяся в больнице с папой.

Банки отказали в кредите даже под залог дома. Оказалось, наш дом не стоил тех денег, которые я хотела получить. А с моей зарплатой учительницы банки могли оформить ссуду разве что на треть нужной суммы. Но этого было ничтожно мало – деньги требовались все сразу и уже завтра.

Знакомых, которые могли одолжить такую крупную сумму, у меня не было. Со временем все друзья как-то отделились, а потом и вовсе прекратили общение. Новыми я не обзавелась, а из прежних осталась только Катька, но и та пропала без вести. Со вчерашнего вечера ее телефон отключен, и где она – никто не в курсе. За ней и раньше водилось подобное – пропадать на несколько дней, но она редко отключала телефон и всегда перезванивала, по крайней мере мне. А сейчас – глухая тишина. Лишь бы не случилось ничего.

Поискала в Сети о Ямпольских. Крис действительно владел клубами, только вовсе не ночными, а спортивными: у него были залы для тренировок по различным боевым искусствам. И никаких танцев у шестов. Катя соврала. Зачем? Но основным его бизнесом оставалась ювелирка. Ювелирный Дом Ямпольских был самым крутым в ювелирном деле. Холост. Занимается благотворительностью, дважды в месяц посещая приют Святой Марии для детей-инвалидов. И море снимков, но разглядывать их желания не возникло. Стоило только взглянуть в его стального цвета глаза, чтобы испугаться. С таким точно нельзя иметь никаких дел: не заметишь, как окажешься в ловушке, потому что его взгляд смотрел в самую душу, словно знал все обо мне. О любом, кто встретился бы с ним лицом к лицу.

А о Марке информации почти не нашлось, как и фотографий. В свет выходил редко, в объектив камер не попадал. Зато слухов полным-полно. От его страшного уродства до жесточайших пристрастий. Некоторые смельчаки даже писали, будто Марк Ямпольский любит пытки в сексе и поэтому предпочитает проститутток, которым легко заткнуть рот крупной суммой денег и которых никто не хватится, если вдруг игры Ямпольского зайдут слишком далеко. От всего это потока грязи стало тошно, и я поспешно свернула любые поиски. Правды все равно не сыскать.

И я продолжила искать способы добычи денег. Снова и снова продумывая каждый, пробуя и получая отказ.

Последней надеждой оставалась Всемирная паутина, но только я углубилась в поиски информации о сборе денег, как ожил мой телефон. Увидев на дисплее имя Антона, едва не завизжала от радости. Все-таки есть Бог на этом свете.

– Алло, Антон! Ты где пропал? Ты в порядке?

– Привет, малыш, – голос хриплый и далекий. Сердце пропустило удар. – Прости, что не звонил. Батарея села.

– Что-то случилось?

– Ничего серьезного, ты не волнуйся, – последовал поспешный ответ. Слишком быстрый, чтобы быть правдой. – Просто небольшая авария...

– Авария? – ахнула я, прикрыв рот ладошкой. – Где? Что с тобой? Ты...

Вопросы комом стали в горле. Я не знала, что спрашивать. Я просто испугалась.

– Я в больнице. Приедешь?

Конечно, приеду! Как я могла не приехать!

– Какая больница? – деловито спросила я, встав из-за стола и направившись в спальню. Стоило переодеться. За окном лил дождь, и мой домашний костюм сулил лишь воспаление легких, выйди я в нем на улицу.

– За тобой Матюха заедет.

Я кивнула, словно он мог меня видеть.

– Малыш, – позвал Антон, уже почти разъединившись, – у тебя все в порядке?

– Не совсем, – ответила и тут же пожалела о сказанном. Антон забеспокоился, засыпал меня вопросами. – Я сейчас приеду и все расскажу. Целую, – добавила поспешно и отключилась.

Сборы заняли семь минут: влезть в джинсы, натянуть свитер с высоким горлом, затянуть волосы в хвост, взять сумку, ключи – и я готова. Матвей приехал через полчаса.

Антон выглядел измученным: рука на перевязи, ссадины на лице, – но храбрился, мол, зачем его держать в больнице, только место занимать. Я тоже рвалась домой после комы, едва только на ноги начала вставать. А папа ругался, что я себя не берегу. А я тогда хотела к Антону, который приходил редко, боясь гнева папы. И старательно выполняла все назначения врачей, только чтобы побыстрее сбежать из этих стен.

Я прижалась к Антону и тихо всхлинула. Напряжение последних дней давало о себе знать: меня трусило, и я не могла и двух слов связать. Антон терпеливо ждал, пока я успокоюсь и смогу связно говорить. И я рассказала ему все, как на духу: про папу, про сложную операцию, про деньги и что мне негде достать такую сумму.

– А кредит? – нахмурился Антон. Я покачала головой.

– И под залог дома не дают, – вздохнула. – Я все банки обошла – впустую. Может, ты попробуешь?

– Попробую что? – изумился он. – Найти пятьсот штук за сутки? Не смей меня. К тому же меня уволили.

Уволили? И денег ему не раздобыть? И подмигнувшая было радость рассеялась. А Антон лениво перечислял варианты и невозможность их выполнения и отводил взгляд. А я понимала одно: у меня не осталось выбора.

– Тогда, – запнулась. Встала, собирая волю в кулак. Папина жизнь дороже. – Тогда нам придется расстаться.

– Не понял? – он попытался сесть, но капельница мешала. – Что значит расстаться? Из-за чего? Из-за какой-то ерунды?

Я отступила назад. Усмехнулась.

– Из-за ерунды? – и злость прожгла вены. Папа умирает, а ему все равно – вот уж действительно ерунда. – Замуж я выхожу. Прощай.

И ушла, не оборачиваясь. По пути перезвонила Катке: та на удивление ответила сразу.

– Я согласна, – коротко выдохнула в трубку.

– Хорошо, – сипло отвечала подруга. Закашлялась. – Прости, болею, – и снова пауза. – Ты сейчас дома?

– Буду через полчаса.

Дождь слегка моросил. Ветер трепал ветки, где-то вдалеке сверкала молния. Но я успела вымокнуть, пока добралась. Дождь умудрился вымыть и головную боль, разгоревшуюся после встречи с Антоном. А у дома меня уже ждали. У черного джипа, приткнутого под самую калитку, стоял худощавый мужчина средних лет: подтянутый, в светло-сером костюме. Каштановые с сединой волосы блестели от дождя, а в цепком взгляде настороженность.

– Вечер добрый, – произнес он сухо, когда я поравнялась с ним.

– Я бы поспорила.

Мужчина усмехнулся.

– Позвольте представиться. Святослав Регин, камердинер сэра Ямпольского, – щелкнул каблуками, натянувшись как струна, и коротко кивнул, едва не отдав честь.

Я сдержалась, чтобы не раскрыть рот от удивления. Не думала, что в наш век технологий и компьютеризации возможны камердинеры, да еще с такой муштрой. Что ж за человек этот Марк Ямпольский на самом деле, а не в свете слухов и выдумок?

– Алиса Ланская, – в тон камердинеру отчеканила я. – Невеста сэра Ямпольского.

Регин улыбнулся. Похоже, я развеселила его. Пускай. А злость покалывала пальцы. И в висках снова неприятно заныло.

– Катерина Владимировна предупреждала о вашей манере общения.

Я лишь пожала плечами.

– Но я убедительно прошу вас, – он шагнул совсем близко, словно хотел доверить тайну, – будьте сдержаннее. Марк Давидович не любит, когда ему перечат.

Я раскрыла рот для возмущения, но благоразумно захлопнула. Пожалуй, камердинер и прав.

А Регин кивнул, принимая мое молчание за согласие, отступил на шаг и распахнул заднюю дверцу.

– Или вам нужно собрать вещи?

Спасибо, что спросили. Я перевела взгляд на дом и передумала. Я не хотела брать с собой свою жизнь. Там, в фарсе, все должно быть другое, не тронутое моей прежней жизнью.

– Не думаю, что мои личные вещи подойдут к новому статусу. Разве что...

– Да?

– У вас не найдется таблеточки. Голова сильно болит.

Регин кивнул и достал из кармана упаковку обезболивающего. Я проглотила две капсулы, не запивая.

– Спасибо, – протянула обратно лекарство, но Регин лишь отрицательно покачал головой.

– Едем?

Странное предчувствие, что я нескоро сюда вернусь, поселилось в душе. Я вздохнула, отгоняя плохие мысли, и нырнула в машину.

Часть 2

Алиса. Раньше

В светлом салоне меня ждал молодой и холерный до хруста зубов мужчина в костюме стального цвета: светлые волосы уложены с гелем, на носу очки в золотой оправе и вид вполне деловой, словно на переговоры пришел. Хотя, наверное, так и было, потому как представился он мне юристом Марка Ямпольского. Вот только не нравился он мне – уж не знаю, почему, но вызывал неприятное ощущение, будто лимона наелась: кисло и противно. Хотя он даже не заговаривал со мной.

– Итак, Алиса... – перебил он мои мысли. А голос, строгий, высокий, показался знакомым.

– А мы с вами нигде не встречались раньше? – полюбопытствовала я, не удержалась.

Он зыркнул на меня из-под очков и покачал головой.

– Такую женщину я бы запомнил, – и улыбнулся, но глаза непонятного цвета оставались серьезными.

Странно, потому что юрист казался знакомым, но я не могла вспомнить, где мы встречались. Впрочем, он мог просто напоминать кого-то. И я отмахнулась от этой мысли, потому что юрист вновь обратился ко мне. Зашуршали листы бумаги.

– Борисовна, – добавила я, когда он снова назвал одно лишь имя.

– Итак, Алиса Борисовна, – на его лице не отразилось ни единой эмоции, – мы должны с вами обсудить некоторые моменты брачного договора.

Вот что-что, а обсуждать контракт в машине, на ходу, да еще и без будущего супруга я не собиралась. К тому же я его еще и в глаза не видела. Ни супруга, ни контракта. Да и подумать хотелось, понять, как вести себя и вообще побыть в тишине. Чтобы ноющая боль наконец отступила. Поэтому...

– А вам не кажется...

– Андрей Евгеньевич, – вставил он в мою паузу.

– Так вот, Андрей Евгеньевич, вам не кажется, что здесь кого-то не хватает? – заговорицки прошептала я, слегка подавшись в его сторону.

Указательным пальцем он поправил съехавшие очки, удивленно изогнул бровь.

– Сэра Ямпольского не хватает, – изрекла я, откинувшись обратно. И пожалела об этом, потому что в затылке словно иголки просыпались: колко, обжигающе. Юрист кивнул, спрятал документы. А я прикрыла глаза, чтобы не поморщиться.

Некоторое время мы ехали в тишине. Боль медленно отползла, и я снова взглянула на мир. Машина тем временем выехала за город. За окном замелькали частные дома, лесополосы и поля.

– Давайте так, Андрей Евгеньевич, – предложила, не глядя на юриста, от него сплошная головная боль, – все вопросы мы решим вместе с моим будущим супругом. Идет?

Уж очень хотелось увидеть сэра Ямпольского, каков он живьем.

Остальную дорогу мы провели в молчании, за исключением нескольких коротких разговоров юриста по телефону. И с будущим супругом моим успел переговорить, обмолвившись, что невеста отказывается обсуждать важные вопросы. Что ему отвечал Ямпольский, я не слышала, но, судя по всему, приказал оставить меня в покое, потому что юрист больше со мной не разговаривал. А я смотрела в окно и настраивалась на скорую встречу, подготавливалась ко всему, о чем писал Интернет.

Но ко всему, увы, не получилось. Хотя дом Ямпольского я представляла мрачным, но реальность превзошла самые смелые мои ожидания.

Когда мы съехали с накатанной трассы на брусчатку, да еще такую разбитую, словно после бомбежки, я и подумать не могла, что сия дорога вела к дому одного из самых богатых мужчин страны. В списке популярного журнала «Форбс» сэр Ямпольский входил в первую пятерку, несмотря на то что уже лет семь жил затворником.

Сперва машина въехала в огромный, засаженный многолетними елями парк. Я открыла окно, вдыхая терпкий аромат хвои. Деревья поникли, местами хвоя пожелтела, опала, смешавшись с каменной пылью разбитой дороги. И в тихом шелесте разлапистых ветвей чудился чей-то шепот. И чем ближе мы подъезжали к дому, тем реже становились деревья, а под самыми окнами особняка застыли в причудливых формах два обгоревших до черна ствола. Увиденное покорило. Почему нельзя срубить эти огарки? Неужели хозяину нравился их вид из окна? Стало не по себе и перехотелось встречаться с хозяином усадьбы. Впрочем, я погорячилась с названием. Огромный, серый особняк строили в духе средневековых замков. Две круглые без окон башни разделяли дом на три крыла, а маленькие башенки архитектор разбросал по всей крыше в каком-то затейливом переплетении. Каждую из них, а я насчитала их ровно семь, венчал причудливый флюгер, напоминающий силуэты кукол. Красиво, но жутковато, особенно когда в дуновении ветра флюгера качались и поворачивались, будто танцуя, и в тихом шепоте ветра чудился детский смех.

Я невольно отступила назад, захотелось спрятаться в нутре машины и уехать отсюда как можно дальше, но наткнулась на молчаливого Регина.

– Вам придется сдать личные вещи, – отчеканил сухо. Я уставилась на него, как на дикое животное, с трудом осознавая, что он сказал.

– Скажите, а почему... почему сэр Ямпольский живет здесь? – задала я вертевшийся на языке вопрос. – Почему нельзя найти место...

– Получше? Побогаче? – не удержался копающийся в своем портфеле юрист.

– Поуютнее, – вежливо улыбнувшись, не согласилась я.

– Это родовое поместье семьи Ямпольских, – ответил Регин так, словно это все объясняло, но я не понимала, в чем красота поместья, пусть и родового, но живущего на последнем издыхании. Неужели нельзя облагородить, позаботиться о доме, приютившем не одно поколение?

– Ну тогда... не знаю, нанять садовника, дизайнера. Здесь же жить невозможно, – выдохнула я, кутаясь в куртку. Холод залазил под полы куртки, колол кожу.

– А придется, – равнодушно напомнил юрист. – Три года, – и направился в сторону дома.

– Это мы еще посмотрим, – пробурчала я.

– И все-таки вам нужно сдать личные вещи, – повторил Регин и раскрыл передо мной темный холщовый мешочек, как в лото.

– А если нет, обыскивать будете? – и все-таки не удержалась.

– Если понадобится, – низкий голос застал врасплох. Я обернулась так резко, что собранные на затылке волосы рассыпались по плечам, а в висках снова закололо. Заколка со звоном упала на камни брусчатки. Навстречу мне шел высокий статный мужчина в черном костюме. Сильно хромая на левую ногу, он практически заменил ее черной, с серебряным набалдашником тростью. На ногах черные туфли, к которым, странное дело, не цеплялась дорожная пыль. Я невольно глянула на свои «лодочки», посеревшие от пыли. Этот человек, легко спустившийся со ступеней и удачно обходящий трещины и выбоины брусчатки, словно сроднился с домом, парком, был его частью. Он был здесь хозяином, пусть незаботливым, но поместье любило его и принимало таким, каков он есть.

– Тогда уж и обрейте, – отчего-то дрогнувшим голосом парировала я, – чтобы совсем не уступать статусу тюрьмы...

И осеклась, взглянув в его лицо. Ямпольский ухмылялся лишь половиной рта. А другой половины не было, вернее, ее скрывала маска. Почти не рознящаяся с цветом кожи и заметная

лишь в такие моменты. Но она была: жуткая, уродливая, делающая его самого холодным и неживым. Дернула плечом и столкнулась с черным, как сама ночь, взглядом. Глаза замораживали, затягивали в свою смоляную бездну, выбивали дыхание, и будто присваивали. Вся его манера – взгляд, движения, голос – говорила, что все в этом месте принадлежит ему. Даже я. Под его взглядом стало зябко и страшно, но дробь в висках утихла.

Я с трудом сдержалась, чтобы не отвернуться, но, похоже, Ямпольский все понял по моему выражению лица. Уж не знаю, что он там увидел, но враз его лицо посерело, а голос потяжелел.

– Мобильный телефон, ноутбук, часы, ключи, – холодно, как камни брусчатки, сыпался его голос.

Как под гипнозом, я вытащила из кармана ключи от дома и телефон.

Регин учтиво переспросил, все ли это. Я кивнула, не сводя взгляда со своего будущего мужа.

– Вам все вернут к вечеру, – и исчез.

Ямпольский остановился всего в шаге от меня. Руку протяни. Захотелось снять с него эту уродливую маску, аж руки зачесались. Но я пресекла свой порыв, засунув руки в карманы куртки.

А Ямпольский не сдержался, заправил за ухо прядь моих волос. Запах можжевельника забился в нос, осел на волосах, коже, как старый знакомый. Ужасный, могильный запах. Я невольно отпрянула. Ямпольский криво улыбнулся.

– Добро пожаловать домой, пташка.

Часть 3

Марк. Сейчас

– Ты не имеешь права не пускать меня к Алисе! – Катерина подходит вплотную, уперев руки в бока. Злая, напряженная. – Я ее подруга! Да я самый близкий ей человек! В конце концов, это благодаря мне ты ее нашел.

Марк усмехается, глядя на солнечных зайчиков на полу. Лиза обожала ловить их и сердилась, когда они ускользали. От мысли о дочери становится горько.

– И что? – голос звучит ровно и отстраненно. Сейчас ему меньше всего хочется разговаривать. Особенно с Катериной. – Я должен пасть ниц и бить поклоны в порыве вечной благодарности?

Катерина фыркает.

– Простого «спасибо» было бы достаточно.

Марк игнорирует ее слова. Не за что ему ее благодарить.

– Знаешь, – Катерина подходит к окну, задумчиво смотрит на почерневший ствол, в сумерках кажущийся плачущей женщиной, – может, проще было их отпустить, раз уж...

– Раз уж «что»? – перебивает Марк. Умеет она вывести его на разговор. – Раз уж я запер ее в четырех стенах? Так она сама напросилась. Была бы послушной, и все было бы хорошо, а так извини, но я не привык, когда не выполняют обещанное. Она слово не сдержала и будет наказана. К тому же ты сама знала, за кого сватаешь свою подругу. Сама пришла и убеждала меня в ее верности и порядочности. Так что ты теперь требуешь от меня? Чтобы я позволил тебе с ней увидеться? Зачем, Катерина? Помнится, после последней вашей встречи она и сбежала с любовником. А я чертовски устал за ней гоняться. Не мальчик уже.

– Я... я... – задыхается от возмущения, резко обернувшись. Черные кудри взметаются и опадают на затянутую в серый пиджак спину. Поджимает губы и быстро отворачивается. – Прости, – тихое в ответ. – Наверное, ты прав. Подставила я тебя. Но я не понимаю, – вздыхает, запустив пальцы в волосы и собрав их в хвост. – Она не такая, понимаешь? – потирает лоб, задумавшись. – Я не понимаю, что произошло. Алиса она... Она ангел. Таких, как она, давно нет. Она просто не способна на предательство.

Марку становится смешно. Неспособная на предательство смылась в неизвестном направлении как раз накануне важной встречи. Выставила его на посмешище и чуть не испортила все, ради чего он вообще затеял эту игру в семью. Хватило тех снимков, где она в кафе со своим... хорошо, Андрей вовремя подсуетился и ничто не просочилось в прессу. А что было бы – узнай они. Все, конец спектаклю.

– Я не понимаю, что произошло, – она смотрит на Марка едва не просительно. – Именно поэтому мне нужно поговорить с ней. Понять, почему она решила пожертвовать отцом?

– Да все вы одинаковые. Что пташка, что ты.

– Марк... – она укоризненно качает головой, обижается.

А ему плевать. Надоели все эти игры, недомолвки. И мысли о дочери, так не вовремя напоминающие о прошлом.

– Строишь тут из себя героиню, а сама подругу подложила под одного брата, а трахаешься с другим, – зло и резко. – Удобно, не правда ли?

– Не ожидала я от тебя такого, Марк.

– Это я от тебя не ожидал, мартышка...

Это глупое детское прозвище слетает с губ само собой. От усталости и невозможности хоть что-то ей доказать. Катерина удивлена, хочет ответить что-то, но в кабинет влетает запыхавшийся Святослав. Бледнее мела, тяжело дышит и слова сказать не в состоянии.

– Марк... – выдыхает Регин, и Марк понимает – стряслось страшное.

Он коротким жестом обрывает Святослава на полуслове, поднимается с кресла.

– Катерина Владимировна, разговор окончен. Я вас больше не задерживаю.

Он затылком чувствует, как Катерина хочет ответить. Не выносит, когда он с ней так официально. Но ему сейчас не до ее переживаний.

– Дима! – На пороге застывает личный телохранитель. – Проводи Катерину Владимировну и проследи, чтобы она не заговаривала ни с кем в доме.

Дима кивает. А Катерина снова молчит, но на прощание бросает в него колкий взгляд.

Марк дожидается, пока она сядет в машину и только тогда оборачивается к Регину.

– Алиса Борисовна пыталась покончить с собой, – выпаливает как скороговорку. Марк на минуту прикрывает глаза. Боль прокатывается по напряженным мышцам. Короткий вдох и длинный выдох.

– Жива?

Регин кивает.

– Марьяна ей чаю принесла с мелиссой, – рассказывает по дороге Святослав. – А Алиса в ванне лежит и не дышит уже. Чудом откачали, Марк. Воды из нее вылилось...

Марк молча входит в спальню, закрывает за собой дверь. Алиса лежит на кровати, скрутившись клубком. Мокрая. Одежда прилипла к телу. Дрожит, обхватив себя руками, точно крылышками. Пташка она и есть. Хрупкая, несурзкая, с бардаком в голове.

И прошлое напоминает о себе запахом безнадежности и отчаяния, поселившегося в белой палате реанимации. И запах этот просачивается сквозь время, затопливая комнату, где на кровати дрожит его жена.

– Ну и что ты удумала, пташка? – останавливается у кровати, а она не шелохнется. Лицо бледное, на щеках капли воды. И взгляд, как у побитой собаки. – Решила так от меня бежать? – он приседает рядом, касается ее лодыжки. Кожа покрывается мурашками. Да она же вся холодная и мокрая! И тоска дерет глотку, и Марк с трудом загоняет ее обратно. Она жива, хоть и ненавидит его. Главное – жива. И теперь он рядом. – Так, пташка, а ну-ка подъем, – перехватывает ее руку, тянет на себя. Усаживает. Она смотрит затравленно. Волосы мокрыми паклями свисают, а сама словно кукла, которой кукловод веревочки обрезал. Но только Марк касается ее промокшей рубахи – и когда нацепить успела? – она впирается в него коготками, сощуривается.

– Не смей, – шипит, отталкивая его и падая на кровать. Снова скручивается клубком. – Не смей меня трогать и убирайся отсюда.

– Я сказал – встать! – рывкает, стягивая Алису на пол. Та не успевает среагировать, падает, вскрикивает.

– Скотина! Сволочь! Ненавижу! – бьется в его руках, точно птичка в силках.

Но он сильнее. Срывает с нее рубаху, отшвыривает. Алиса визжит, царапается, как строптивая кошка. Марк подхватывает ее под колени, перекидывает через плечо.

– Пусти! Пусти, сволочь! Убийца! Ненавижу!

Марк останавливается на пороге ванной. Переводит дух, чувствуя, как судорога ползет по бедру, выкручивает ногу. А он как назло без трости да еще с такой непростой ношей. Пять лет назад было проще. Выдыхает.

– Значит так, пташка, – голос срывается на хрип и дышать тяжело. Алиса притихает. – Либо ты успокаиваешься и приводишь себя в порядок, а потом как порядочная жена ложишься спать со мной. Либо...

– Что? Изобьешь? Изнасилуешь? – в ее дрогнувшем голосе слышится усталость.

– Зачем? – он искренне удивлен. Ему не нужно бить или насиловать женщину, чтобы получить ее. Достаточно заплатить, и она будет выполнять все его прихоти. Все в этой жизни

имеет цену, даже пташка. – Тебя помогут и приведут ко мне. Что предпочтешь: меня или Регина с Дмитрием в твоей ванной?

– Я предпочту самого черта, лишь бы тебя не видеть, – зло отвечает пташка.

Марк усмехается.

– Стоило ожидать такого ответа после сегодняшней твоей выходки. Ну что ж, – он бросает Алису на кровать, – Дима не увидит ничего нового.

– Ты не посмеешь... – в синих глазах вспыхивает гнев.

– Посмею, пташка, еще как посмею, – он устало приваливается к стене, открывает дверь. – Дима! Святослав! – Они появляются вместе, словно только и ждали его зова. – Жену мою вымыть в горячем душе, высушить, одеть и доставить в мою спальню. С сегодняшнего дня леди Ямпольская будет спать исключительно со мной.

Регин пытается возразить, но одного взгляда достаточно, чтобы пресечь любые возражения. Когда мужчины приближаются, Алиса пытается сопротивляться, но куда ей против двоих вышколенных бывших военных. Это не с калекой вроде него бороться.

– Будет сопротивляться – разрешаю применять силу. Смотрите только, чтобы мордашка не пострадала, – добавляет, поймав на себе взбешенный взгляд пташки, и улыбается ей своей самой очаровательной улыбкой. Она резко отворачивается и больше не сопротивляется.

А Марк ждет. Он знает – его ребята Алису и пальцем не тронут, даже по его приказу. Слишком порядочные. Но он не может уйти, пока они не закончат. Садится на кровать. Ему видно распахнутую душевую кабинку, в которой стоит поникшая и обнаженная пташка. По ее идеальному телу стекает вода, смешанная с мылом и кровью. Еще утром поранилась. Марк видел и Регину приказал обработать. Тот приказ выполнил, но ссадина не зажила еще, кровила. Марк переводит дыхание. И смотрит. В ее потемневших волосах блестит шампунь. Марк скользит взглядом по ее белоснежному, как фарфор, телу, запоминая каждый изгиб, каждую родинку и раскрывшую крылья ласточку на талии. Черная с белым, она как будто повторяет каждое движение, пока пташка докрасна растирает мочалкой кожу и подставляет лицо под упругие струи воды. Минут через десять Регин просит ее выйти, подает ей халат и большое махровое полотенце. Она сразу же закутывается в необъятный халат, как в кокон прячется.

Теперь Марк уходит. Сегодня ему предстоит интересная ночь.

Часть 4

Алиса. Сейчас

Я сижу на кровати, всматриваясь в резную белоснежную дверь, ожидая, как она откроется и впустит в покои хозяина. Озноб рассыпает по коже мурашки, раскатывает по мышцам ноющую боль. Но странно, что я совсем не чувствую страха. Нет, мне не все равно. Скорее даже любопытно, как Марк себя поведет. Не думаю, что он станет рисковать контрактом ради банальной мужской похоти. Я усмехаюсь, закутываясь плотнее в необъятное пуховое одеяло. С чего-то решила, что я интересую Марка. Наивная. У него таких, как я, – только пальцем помани. Видывала одну такую. Ноги от ушей, грудь пятого размера, и вся аж плавится сексуальной энергетикой. От воспоминаний стало неловко, но избавиться от них не получается.

Это было на вторую неделю нашего совместного проживания. С Марком я встречалась редко, разве что за обедом, ужином или на официальном мероприятии, вроде подписания меню (оказывается, такое тоже делают!) для свадебного фуршета, либо для примерки нарядов или при выборе зала для торжества. Перекидывались ничего не значащими фразами и расходились по своим углам. Как правило, он уезжал едва ли не на рассвете, приезжал вечером и после ужина сразу пропадал в запрещенном для меня западном крыле. А я, согласно канонам проживания в родовом поместье Ямпольских, проводила длинные вечера в своей спальне, пока не набрела на огромнейшую, занимающую почти все восточное крыло библиотеку. Тогда мои вечера окрашивались страстной любовью, отважными приключениями или необыкновенными мирами, расцветающими на страницах книг.

Он опаздывал. Марк Ямпольский, который был до тошноты пунктуален и не упускал ни единой возможности укорить меня за бесконечное «еще секундочку», опаздывал уже на десять минут. Сначала он не спустился к завтраку, хотя по вторникам мы обычно завтракали вдвоем, да еще и ночью куда-то уезжал, а вернулся далеко за полночь. Я промаялась весь вечер – строчки расплывались, смысл сюжета ускользал, и я, забросив чтение, слонялась по страшно пустому дому, не находя себе места от неясной тревоги. А к двум часам Марк вернулся, и не один. Цокот каблучков и звонкий смех звенел в ушах, а злость закипала внутри, не давая уснуть. В итоге утро я встретила, сидя на подоконнике и выводя пальцем узоры на запотевшем стекле.

А когда время стремительно ускользало, просто крича об опоздании, я не выдержала. Где находится спальня Ямпольского, я знала. Как-то в его отсутствие путешествовала по длинным коридорам родового замка (иначе эту серую громадину и не назовешь), изучала унылые виды из больших окон и расположение комнат. Покои сэра Ямпольского располагались на одном этаже с моими, только в запрещенном западном крыле. На весь коридор я обнаружила только две двери и обе запертые на замок.

В то утро спальня Марка была открыта. Не церемонясь, я буквально вломила в комнату и замерла на пороге. На большой двуспальной кровати лежала обнаженная девушка. Я тихо окликнула ее, извиняясь, но та не отреагировала. Осмотрелась – Марка не было. Осторожно подошла ближе. Кудрявые русые волосы разметались по подушкам, руки были привязаны черной атласной лентой, такой же – завязаны глаза девушки. Ее белую кожу расчерчивали багровые полосы, кое-где наливающиеся синевой. На ступнях – снова следы веревки. И ни намек на дыхание. Стало вдруг страшно. Я склонилась над ней, прислушиваясь к дыханию, как услышала за спиной:

– Хочешь присоединиться?

Я отпрянула и спиной наткнулась на Марка. Визгнула и резко обернулась. Девушка позади тихо застонала, пробормотала нечто невнятное. А я застыла, не в силах ни пошевелиться, ни слова сказать.

Марк.

От него пахло иначе. Паром, ментолом и табаком. И ни намек на могильный запах можжевельника – и кто только посоветовал ему эту дрянь?! Темные волосы искрились каплями воды, несколько стекало по вискам на шею с пульсирующей веной. На лице застыла кривая ухмылка, теряющаяся под неживой маской в тон кожи. А в черных, как бездна, глазах, плясали чертики. Я могла голову дать на отсечение, что видела их в его прищуренном взгляде.

– Я... я... – заикаясь начала я, отступив на пару шагов. Взгляд невольно скользнул вниз по его обнаженному телу, да так и застыл. Не знаю, как мне удалось сдержать шок, когда я смогла его рассмотреть. Косые, короткие и длинные, побелевшие и кровоточащие шрамы покрывали его всего. От шеи до пояса брюк. Руки, грудь и наверняка спина были словно залатаны: неумело, криво, наспех. Кое-где латки потемнели, местами – белели неживой кожей.

Я смотрела, не в силах отвести взгляд, и чувствовала, как жгучая боль рвалась изнутри, готовая прорваться слезами. Он весь был похож на залатанную игрушку. Сломанную, никому не нужную тряпичную игрушку. Сглотнула комок и подняла глаза.

Марк молчал, изучал внимательно. Не кричал, не прятал свое изуродованное тело. Смотрел и ждал. Чего? Я так и не поняла.

– Мы опаздываем, – бросив скороговоркой, выскочила из спальни.

Следующие два дня я провела под замком и была лишена самого дорогого в этом доме и новой жизни – книг.

Я хорошо помню тот день, когда холодный и чужой Марк лично запер дверь в маленькую спальню, больше похожую на чулан. Спрашивать – за что? – было глупо. Я понимала. Ослушалась приказа не входить в западное крыло. Да еще застала его беззащитным.

Вот только наказание казалось каким-то детским, что ли. Подумаешь, провела пару дней без солнечного света и горячей ванны.

Суицей пыткой оказалось, что я больше не могла и шагу ступить одна. Надзирателя ко мне приставил: здорового детинушку с бульдожьей рожей. Теперь даже в доме Марк знал о каждом моем шаге, вдохе, выдохе, вплоть до абсурдного – сколько раз и в какое время я посещаю туалет. Да только от этого абсурда выть хотелось на луну, которая, как назло, пряталась в ветвях разлапистых елей парка. А еще Марк потребовал, чтобы я уволилась с работы. Я сопротивлялась до последнего, но он оставался неумолим, вплоть до того, что вознамерился расторгнуть контракт. Мне пришлось уступить.

И было непонятно, как внимательно, одаривающему меня знаками внимания – от цветов до ничего не значащих безделушек – Марку удавалось так лихо менять обличья. Из злодея в добродушного хозяина, шутящего за завтраком, выпрашивающего о моей работе и моих талантливых детях, не отпускающего и поддерживающего на свадебном фуршете. Там, среди множества любопытствующих журналистов и богатых бизнесменов, он был нежен и внимателен, не выпускал моей руки. А танцуя, просто прижимал к себе, даря странное ощущение защищенности. За все время до того наказания он всячески пытался сгладить мое первое впечатление о нем. И мне он казался добрее и светлее, чем о нем писали. Но оказалось – я заблуждалась. И ночь в чулане раскрыла мне его сущность.

Тогда хотелось чуда. Как маленькой девочке вдруг отчаянно захотелось поверить, что меня, как ту сказочную принцессу, вызволит из башни принц на белом коне и увезет в тридевятое царство, и будем мы жить долго и счастливо. Наверное, поэтому, когда я встретила Антона на пороге школы, куда пришла забирать документы по требованию Марка, сердце возликовало в волнительном предчувствии, что все изменится.

«Изменилось», – думаю с горечью.

Антон.

Как же так вышло, что Марк нашел нас? Не должен был. Антон сказал, что об этом месте не знает никто. И я... я сделала все возможное, чтобы никто не выследил нас: выбросила телефон, кредитные карты, да и передвигались мы исключительно автостопом. Никто не знал, где мы. Никто не мог...

Я осекаю сама себя. Катька знала! Нет, не так... Я звонила ей из соседнего города, и говорили мы минуты две, не больше. Отследили? Со связями Марка возможно все. Пусть так. Ерошу пальцами волосы, невольно натыкаюсь на шрам за ухом. Отдергиваю руку, словно обжегшись. Что случилось – того не изменить. Марк нас нашел и вот я снова здесь.

Какое же наказание ждет меня теперь? Или он уже наказал, убив Антона?

Дверь открывается с громким стуком, и в спальню вваливается Марк. Я вжимаюсь в кровать, натягиваю одеяло и почти не дышу. Он стоит с трудом. В одной руке – пузатая бутылка, другой – упирается в стену. Интересно, сколько таких бутылок он уже приговорил? Голова опущена. Сильно шатаясь, он добирается до кровати, на ходу допивая алкоголь и отшвыривая бутылку. Та со звоном разбивается о стену. Комнату заполняет резкий коньячный запах. Марк ухмыляется, шепчет что-то и, не удерживаясь на ногах, падает на кровать. Бормочет что-то, стянув с меня одеяло, и затихает.

Осторожно ложусь едва не на самый край, выдыхаю и пытаюсь заснуть. Сумбурные мысли мешают, заставляют думать и впервые – об этом странном и непонятном мужчине рядом. Я засыпаю с последней, взявшейся ниоткуда, мыслью, что Марк не мог убить Антона.

Распахиваю глаза от жуткого грохота. В комнате темно: ночник погас, а солнце еще не намеревалось вставать. Нашупываю под подушкой мобильный телефон, который мне принес Регин после душа, подсвечиваю. Часы на дисплее показывают: «2:47».

– Елкин-корень, – цежу сквозь зубы и присматриваюсь к комнате. Все как было накануне, только из-под двери ванной виднеется полоска слабого света. Смотрю на вторую половину, где спал Марк, – пусто. Ну и что же он там делает среди ночи? Прислушиваюсь. Тихо. Успокаиваясь – все-таки Ямпольский не маленький мальчик, сам справится, – устраиваюсь поудобнее, пока не разыгралась мигрень, как тут же подскакиваю от звона и новой волны грохота. Сердце заходится в рваном ритме, чуя неладное. Подбегаю к двери, дергаю за ручку – заперто.

– Марк, – зову, а в ответ молчание. – Марк, ты в порядке?! Марк?! – не хватает только трупа богатого сэра у меня на руках. Черт бы тебя побрал, Ямпольский! Дергаю ручку, стучу – дверь не поддается. – Марк, открой. Слышишь? Марк! Ну не будь ребенком, в конце концов.

И замок щелкает, я распахиваю дверь и на мгновение зажмуриваюсь от ослепительного света. И боль прошибает затылок. Морщусь, с трудом разлепляю веки. Привыкаю и обнаруживаю Марка сидящим на полу у ванны. Вокруг разбитое стекло, склянки, бутылочки, полотенце. Сам он тяжело дышит. Лицо бледное, покрыто испариной, маска сдвинута как-то странно, свисая ниже лица, и левая нога вывернута судорогой.

– Там... – хрипит он, указывая на шкафчик справа, – лекарство... не могу... достать...

Отмерев, кидаюсь к шкафчику и ужасаюсь тому набору лекарств, что нахожу. Разве что наркотиков здесь не имелось. И при такой аптечке он алкоголем балуется? Ненормальный!

– Ампулы...

Доносится тихое из-за спины. Слышу, как Марк шумно втягивает воздух. Набираю в шприц лекарство, приседаю рядом.

– Я сам... – он пытается перехватить шприц, но куда ему: пальцы дрожат, лицо перекашивает гримаса боли. Не думаю, всаживаю иглу в сведенное судорогой бедро. Марк стискивает кулаки, зажмуривается и на короткий момент становится похожим на маленького испуганного мальчика. Вот так метаморфозы этим странным полнолунием. Досчитав до трех, затягиваю на плече жгут и делаю Марку второй укол, на этот раз в вену. Пусть он урод и убийца, но сейчас

ему нужна помощь, и, кроме меня, вряд ли кто поможет. К тому же я – не он. Для меня человеческая жизнь, пусть и убийцы, – не пустой звук.

В его аптечке нахожу обезболивающее, выпиваю таблетку. В молчании проходит несколько минут. Марк постепенно расслабляется. Судороги схлынивают. Облегченно выдыхаю – даже не заметила, как сильно была напряжена. И мигрень поутихла. Заснуть не засну, но до утра доживу.

– Встать сможешь?

Марк смотрит вопросительно.

– Ну до кровати-то дойти надо, – пожимаю плечами, поднявшись.

Он боязливо смотрит на дверь и расстояние, что отделяет его от кровати. Я усмехаюсь – надо же, такой жестокий циник, а боится. Чего только? Но спустя пару ударов сердца выражение его лица становится жестким и непроницаемым. Да уж, метаморфозы.

Он встает с трудом, едва не падает – я подхватываю его.

– Обопрись на меня, давай, – приказываю, перекладывая поудобнее руку на его широкой спине, другой закидываю его руку на свои плечи. – Не бойся, это я с виду маленькая пташка, – хмыкаю, вспомнив, как он меня называет. – Доверься мне, ну же. Все равно больше некому, – добавляю веский аргумент.

И Марк сдается.

Он вырубился, едва голова легла на подушку. Укрываю его двумя одеялами и возвращаюсь в ванную навести порядок. Почему-то кажется, что Марк не захочет, чтобы его домочадцы прознали о его ночном позоре.

Поспать этой ночью мне так и не удастся.

Часть 5

Марк. Сейчас

Ничего не получается. Заготовки идут трещинами, ткань рвется, краски растекаются. И боль то и дело накатывает, протыкает короткими судорогами.

Марк отбрасывает инструмент, резко поднимается. Покачивается, но подхватывает трость, опирается на нее, прохаживается по мастерской. Наступает на что-то острое, чертыхается. Прибратся бы, да только ни сил, ни желания. И голова гудит после ночи.

И дернул же его черт напиться. Семь лет не пил, а тут. Полторы бутылки коньяка одним махом. Чтоб наверняка отрубил. И луна заглядывала в окно кабинета, словно насмеялась над ним. Даже задернутые занавески не помогли спрятаться от нее. Вот и вывернуло потом всего наизнанку. Знал же – нельзя пить. Не с его таблетками. Пробовал уже семь лет назад. Вместо анестезии. Не помогло.

Упирается кулаком в стену, опускает голову, пережидая новую волну судороги. Что-то не то с ним творится в последнее время. С появлением в его доме птички все пошло наперекосяк. Вся жизнь, такая ровная и привычная, трещит по швам, как старое одеяло. Она так настырно, сама того не понимая, лезет в его душу, что он начал ее ненавидеть. Хотя знал, с кем контракт подписывал. Знал, что эта не угомонится, пока не перевернет вверх тормашками его жизнь. Пять лет назад уже перевернула. Думал, она его боится. Все его бояться. А она – нет. Вон как резво ночью его спасала. И главное, вовремя как, будто почувствовала. Регин сказал, что, если бы она проснулась хотя бы на пять минут позже, все, шейте белые тапочки.

Марк усмехается. Странная она. Другая бы на ее месте позлорадствовала в лучшем случае. А эта... жизнь спасла, хотя ненавидит до дрожи. И сама мучится от болей – Марк не раз заставлял ее, пьющей таблетки. Последствия старой травмы? И шрам за ухом ее беспокоит, напоминает о прошлом. И волосы постоянно распускает, прячет его. Но не признается, хотя он спрашивал. И на обследование нормальное не согласится, особенно сейчас.

Марк вздыхает разочарованно и возвращается на рабочее место. Прикрывает глаза, вспоминая изящное тело с ласточкой на талии, точеное, будто кукольное лицо с большими синими глазами. Память услужливо подкидывает ему чуть смущенную улыбку и румянец на щеках. Ее растерянный взгляд, сверкающий слезами. Боль и сожаление в тонких чертах, поджатые губы и страх, странный, иррациональный, где-то на дне ее глаз. В воздухе рождается тонкий, едва уловимый запах солнца, а пальцы вычерчивают высокие скулы, тонкие вразлет брови, пушистые ресницы, робкую улыбку и маленькую родинку на правой щеке.

Стук в дверь отвлекает. Рассыпает воспоминания, возвращая в реальность. Марк и не заметил, как сумерки окутали парк за окном. В мастерской сгустился полумрак.

– Марк! – зовет из-за двери Святослав. – Уже половина восьмого. Скоро гости приедут.

Гости? Марк озадаченно смотрит на запертую дверь. Ах да, у него же семейный ужин сегодня. Горькая усмешка расплзается по лицу. Посмешище сплошное, а не семья.

Его семьей была Лизка. Прикрывает глаза, вспоминая, как Лиза любила носиться с ним наперегонки по широким коридорам поместья. И как они играли в футбол на поле, что виднеется из окна мастерской. Здесь когда-то было ее царство, уместившееся за вычурной белой дверью. Он окидывает взглядом мастерские с царящим бардаком и устало потирает виски и зудящую щеку. Снова надевать маску, притворяться гостеприимным хозяином. С каким бы удовольствием он послал бы всех к чертям собачьим и закрылся в мастерской. Чтобы никто не мешал. Чтобы никто не лез к нему в душу с жалостью и непонятным страхом на дне темных синих глаз.

– Марк! – снова Регин. – Ты в порядке?

Марк пожимает плечами. Все в этом доме изменились. Даже Святослав, никогда не задающий подобных вопросов. Давно понимающий, что не получит на них ответа. Марк выключает свет и покидает мастерскую.

Святослав ждет в коридоре.

– Костюм готов, в спальне, – отчеканивает по-военному.

– Алиса?

– Ждет тебя, – так же четко отвечает Регин. – И у нас все готово к приему.

– Вот и славно. Маску дай.

Регин протягивает ему безликую маску. Та ложится на лицо идеально, словно давно выросла в кожу, стала его частью. Регин поправляет, чуть сдвинув и спрятав все лишнее. Кивает.

– Мы спустимся через пятнадцать минут. Свободен.

Святослав скрывается в хитросплетениях коридоров, а Марк входит в спальню.

Розоватый свет заливал комнату. Марк на мгновение замирает, привыкая к закатному солнцу. На кровати сидит Алиса. Спина ровная. Волосы, стекающие по позвонкам, уложены в причудливую прическу со множеством шпилек, сверкающих изумрудами. Руки сложены на коленях, глаза чуть прикрыты. Прилежная ученица, не иначе. Его костюм висит на двери гардеробной. Черный фрак, бабочка, белоснежная накрахмаленная рубашка, черные брюки. Скучный и мрачный костюм, в отличие от платья его пташки: насыщенного темно-зеленого цвета, идеально гармонирующего с синевой ее глаз. Он задумчиво смотрит на костюм. Сегодня они должны сыграть виртуозно. Так, чтобы его ненаглядный братец поверил. Криса трудно провести. Значит, все должно быть не так, как обычно.

– Переодевайся, – бросает он Алисе. Она вздрагивает, будто очнувшись ото сна.

– Прости, что? – переспрашивает тихо, плохо скрывая волнение в голосе.

– Я сказал: переодевайся.

– Но... – пытается возразить, но замолкает на полуслове. Встает, с недоумением осматривая себя со всех сторон. Длинное, в пол платье облегает ее второй кожей. Струится воланом у самого пола, в закатном сиянии солнца отливая золотом. Роскошно. Ее походы по бутикам не прошли даром – со вкусом у его пташки все в порядке. – Что-то не так с платьем? Оно некрасивое?

– Отвратительное, – не моргнув глазом, врет Марк. Впрочем, на платье ему плевать – обычная тряпка, но в нем его пташка выйдет слишком роскошно и слишком чуждо. А этим вечером она должна быть собой или на худой конец ощущать себя комфортно, потому что ей и без того хватит впечатлений и напряжения.

Она смотрит растерянно, ну точно ребенок, не понимающий, чего от нее хотят. Да и он сам толком не понимает.

– А что тогда? Какое платье? – стремительно направляется к гардеробу. Марк перехватывает ее, рукой обвивает талию, привлекает ближе. Она напрягается, почти не дышит и вцепляется в его ладонь, распускает зажатые в кулак пальцы, смотрит внимательно. Что она там увидела? Марк хмурится.

– Не нужно платьев, – осторожно вынимает свою ладонь из ее цепких пальчиков, таких холодных, что весь мир может заморозить. По позвоночнику дрожь, а в носу ее аромат: нежный, летний.

– Голой, что ли, на званый ужин идти? – и вся сжимается от собственных слов. И злость ползет по позвоночнику. На самого себя. Как же она его боится, что даже лишнее слово боится произнести. Выдыхает бесшумно.

– Неплохая идея, – усмехается Марк, неуловимо притягивая ее еще ближе, ощущая ее хрупкое тело и сбивчивое дыхание, – я подумаю.

Снова пташка напрягается. Могла бы, подбородок вздернула гордо, но Марк держит крепко. Проводит носом по ее шее с пульсирующей жилкой, втягивает аромат. Тот обволакивает горло, будто мед, затапливает сладостью легкие. И сердце сбивается с ритма.

– Так что надеть? – спрашивает хрипло. А Марк неожиданно улыбается. Ему нравится смена ее тона. И вовсе не от страха голос охрип. По крайней мере, ему хочется верить, что он давно научился улавливать ее настроение. Он отстраняется, выпускает пташку из кольца своих рук.

– Надень то, что ты носишь, – он задумывается всего на долю секунды и добавляет: – Например, когда ужинаешь с отцом.

Кивает коротко, вздрогнув при упоминании отца, и, ничего не сказав, исчезает в гардеробной, а Марк отправляется в душ. Только закрыв дверь, смотрит на свои ладони. Они перепачканы глиной. Так вот, значит, что так внимательно рассматривала его пташка. Он открывает холодную воду и ступает под тугие струи. С остервенением оттирает ладони, пока на них не остается даже запаха мастерской. Выдыхает и упирается в стенку душевой кабинки. Сердце набатом ухает в груди, норовя разорвать грудную клетку, и контрастный душ не приносит облегчения. Боль ядовитой змеей опутывает бедро, медленно сужая смертельные кольца судорог. Марк стискивает зубы, закрывает воду. Вытирается насухо и одевается в рабочую одежду. Она пропахла клеем и красками, но другой нет, а появляться перед пташкой голым нельзя.

Она снова сидит на кровати, но уже переодетая в джинсы и бирюзовую блузку. От вычурной прически не осталось и следа – волосы крупными локонами рассыпаны по плечам. Минимум макияжа. Все чинно-благородно. На прилежную ученицу она стала похожа еще больше.

– Гости уже приехали, – говорит глухо. Марк чувствует перемену ее настроения. Ей страшно. Его не испугалась, а каких-то гостей и самого обычного ужина боится так, что руки дрожат. Или его тоже?

– Не бойся, пташка, тебя никто не обидит. – Он подходит ближе, приседает на корточки, ловя ее взгляд и терпя выкручивающую боль. – Просто доверься мне. А потом мы поговорим. И ты задашь свои вопросы, – она удивленно изгибает бровь. – Я обещаю, что отвечу на все. Хорошо?

Она кивает сосредоточенно и проводит кончиками дрожащих пальцев по его волосам, а потом смотрит на них внимательно и нюхает. Странная. Несуразная. Точно пташка.

– От тебя хорошо пахнет, – неожиданно произносит она, прикрыв глаза. Интересно, о ком она думает? Небось о женихе своем. Не может же она говорить это ему, монстру и убийце? В груди больно колет. Марк выдыхает, поднимаясь.

В гардеробной находит свои старые джинсы и черную водолазку, надевает. Смотрит в зеркало и тянется за расческой – уложить волосы. Но передумывает в последний момент, так и оставляет в легком беспорядке. О туалетной воде вспоминает уже в спальне, но возвращаться в ванную не хочется.

– Идем? – спрашивает, протягивая ей руку. Алиса поднимает взгляд и замирает. Смотрит как на диковинку, и в глазах мелькает что-то напоминающее улыбку. А Марку хочется увидеть ее улыбку. Пусть ту робкую, что расцветала на ее губах до побега. Она у пташки такая... завораживающая. Глаз не отвести. Он семь лет такой улыбки не видел: искренней, открытой, настоящей. И когда теперь увидит снова – неизвестно. А она продолжает смотреть на него со странным недоумением, будто впервые увидела.

– Что-то не так? – вопрос слетает, прежде чем он успеваешь подумать.

А пташка смущается, встает, вкладывая свою ладонь в его.

– Ты не ответила, – а ему становится важным услышать ответ. Как воздуха глотнуть.

Она пожимает плечами.

– Ты выглядишь как...

– Как? – голос срывается, и губы пересыхают от волнения. Как у девственника, боящегося оплошать.

– Нормально, – снова пожимает плечами. – И пахнет от тебя хорошо. Не пользуйся больше тем парфюмом, – она смешно морщит нос.

– Ладно, – легко соглашается Марк. Какое ему дело до какого-то парфюма, другой купит, делов-то, а вот насладиться ее жизнью, ее живыми эмоциями, которые она прятала за книгами, – стоит многого, пусть даже один вечер, – но за это ты подаришь мне свою улыбку.

Она вскидывает голову. В больших синих глазах – удивление пополам с чем-то странным, неуловимым, но заставляющим сбиться дыхание.

– Ну так что, договорились, пташка?

Она молчит долго, и время тянется, как резиновое. И сердце замирает в груди. Да что за черт? Марк хмурится, а пташка вдруг неожиданно разглаживает морщинку на его переносице.

Переплетает пальцы, словно боится потеряться. А Марк подмигивает ей весело, и робкая улыбка все-таки трогает ее губы: неуверенно, будто она сама ее боится. А в груди Марка вдруг поселяется тепло. Комком скручивается в солнечном сплетении, растекается под кожей.

По коридору они идут молча, держась за руки. Марк чувствует, как рвано бьется ее пульс. Он щекочет ее ладошку большим пальцем, успокаивая. От сегодняшнего ужина многое зависит, вся его жизнь в этом вечере. Все должно получиться и после ужина. Им о стольком нужно поговорить, если, конечно, пташка решится спросить у него то, что ее так беспокоит. На лестнице она вдруг останавливается. Марк видит, как она натянулась, будто гитарная струна. Еще немного – и лопнет. Не понимает, в чем дело. Хочет спросить, но его опережает другой, низкий мужской голос.

– Здравствуй, брат, – доносится снизу. И Марк наконец обращает внимание на окружение. На нижней ступени с бокалом вина стоит Крис, а рядом застыла каменным изваянием Катерина, по-хозяйски обнятая братцевой рукой. Так вот от чего так напряглась Алиса. Марк игнорирует Криса. Разворачивает пташку к себе лицом, заставляет посмотреть в глаза. Он не знает, что она там находит, в его взгляде, но она расслабляется, глаза проясняются, искрятся светом.

– Все будет так, как надо, – произносит он тихо взявшуюся невесть откуда фразу, поглаживая пальцем маленькую ладошку.

– Даже если будет наоборот, – добавляет пташка.

– Все хорошо? – спрашивает, чувствуя облегчение.

Алиса кивает, и только тогда они спускаются вниз.

Часть 6

Алиса. Сейчас

Я стою в служебной, как я ее называю, ванной, не сводя глаз с собственного отражения. Из крана хлещет вода, обрызгивая бортики раковины, блузку. Но я не замечаю ничего, кроме румянца на щеках и странного блеска в собственных глазах. И вроде выпила лишь бокал шампанского, а ощущение, будто напилась вдрызг. Что со мной? И голова не болит сегодня, даже странно. Я себя не ощущала так уже давно. Даже с Антоном все время существовала какая-то преграда, грань, за которую я не переступала. Я всегда контролировала себя, даже во время секса мозги никогда не отключались. Впрочем, Антон этого никогда не замечал. А я все время боялась, что он уличит меня в обмане, и делала все, чтобы ему было хорошо, чтобы он не заморачивался, что со мной что-то не так. А со мной все не так. А Антон... Антон... Жив ли он? Что произошло в квартире? И Катька, как назло, не идет. Я же ей ясно сказала, где буду ждать. И она видела, как я скрылась в ванной.

Я намеренно выбрала это место – сюда Марк не заходит. Сюда вообще никто не заходит, кроме Марьяны, но та слишком увлечена ужином – чтобы все блюда удались, чтобы сервировка стола была на высшем уровне – и вряд ли воспользуется ванной в ближайшие часа полтора. Как и немногочисленные чопорные гости Марка. Вопросы задают опять. О нас с Марком. И опять приходится повторять на зубок выученную легенду. Познакомились на отчетном концерте в музыкальной школе, где я работаю, а Марк ее частенько посещает как спонсор да и просто послушать детей. Сходили на свидание пару раз. А потом Марк сделал мне предложение. Хотя свадьбу сыграли только спустя год. Психолог, строгая женщина средних лет, наблюдает, присматривается, и под ее взглядом неуютно, как будто под прицел фотокамер попала. Они спрашивают о мелочах: предпочтения в еде, хобби, цвет глаз, родинки и родимые пятна. Вскользь упоминают, что медицинский осмотр мы оба пройдем позже. И становится зябко и противно: осматривать будут, проверять, исследовать каждый миллиметр кожи, говорим ли мы правду, – противный комок застревает в горле. Наши ответы фиксируют, и вечер становится больше похожим на допрос. От неудобных ситуаций спасает юрист Андрей, напоминающий, где все находятся. А Марк все это время не отпускает меня, даже издалека присматривает, и я невольно ловлю его ободряющий взгляд, успокаиваясь и расслабляясь. И только одному человеку на этом вечере плевать на происходящее. Крис Ямпольский занят только Катькой, которая, похоже, сегодня решила напиться. Крис хмурится, и в его прищуренных глазах мелькает злость. Но он не останавливает ее почему-то, ото всех пряча собственные чувства, которые можно заметить лишь украдкой. Как я. От всех вопросов и пристальных взглядов удается ускользнуть спустя часа полтора. Надеюсь, мне удастся спокойно поговорить с Катькой.

Я все-таки выключаю воду и вытираю лицо висящим справа цветастым полотенцем, на мгновение задерживая на нем свой взгляд. Так странно видеть такое яркое полотенце в доме, где все пропитано мрачностью. Бело-серо-черное. И больше никаких полутонов. А мне вдруг захотелось, чтобы в ванной Марка тоже висело такое полотенце: солнечное и радужное, расцвечивающее этот черно-белый мир поместья. Купить, что ли? И усмехаюсь несвоевременной идее. Определенно, со мной сегодня не все в порядке.

– Привет, подруга, – Катькин голос застает меня врасплох – я не слышала, как она вошла. Оборачиваюсь к ней. Подруга перешагивает порог, странно улыбаясь. В руке у нее бокал вина, а в походке неуверенность. Напилась все-таки.

– Катька, ты пьяна, – не скрывая изумления, выдыхаю без приветствия.

– Да кого это волнует, – она машет свободной рукой и подходит ко мне. Запах вина въедается в нос, раздражает. Я невольно морщусь. – Что, подружка, не нравлюсь я тебе такой, да? – усмехается, залпом допивая остатки вина.

– А ты не мужик, чтобы мне нравиться, – кривлюсь, пропуская ее к раковине. – Вон иди у своего кавалера спрашивай, нравишься ты ему такая али нет.

– А ты? – она улыбается странно, смотрит на меня в зеркале. – Ты у своего спрашивала, нравишься ты ему али нет? – передразнивает меня, но последние слова стираются за пьяной икотой.

Я смотрю на подругу с непониманием. У кого я должна спрашивать? У Антона? Так его нет рядом. И вдруг задумываюсь, что ни разу не слышала слов любви от Антона. Да, он хотел меня всегда и не скрывал своего желания, но ни одного раза, даже в пылу страсти не произнес: «Люблю». Но раньше меня это не трогало, так почему задевает сейчас, когда я вспоминаю об этом?

– Дура ты, Алиска, – выдыхает подружка. И за считанные секунды она как-то неуловимо изменилась, и теперь передо мной стоит самая обычная девушка: несчастная и одинокая, – моя подружка. – Такого мужика отхватила, а даже не попробовала наладить с ним отношения. А он... – она вздыхает и вдруг садится на пол, подогнув под себя ноги. – Видела бы ты, какими глазами он на тебя смотрел. Господи, как же отвратительно давно я не видела его таким.

– Кто смотрел? – переспрашиваю рассеянно.

– Муж твой, кто же еще, – пожимает плечами, но даже не смотрит на меня, как будто нет меня рядом. Глядит в одну точку на стене напротив.

– Марк? – я по-прежнему ничего не понимаю. При чем тут Марк? И как он мог на меня смотреть? Для него нет такого понятия – женщина. Лишь средство для получения удовольствия. То, что можно купить. Он все меряет деньгами – я уже знаю. Сам сказал однажды и убеждает в этом ежедневно. Все можно купить. Меня он тоже купил, так что зря Катька приплетает сейчас ненужную лирику. Того гляди разревется, вон уже и носом хлопает.

– Да при чем тут Марк?! – отряхиваюсь от ненужных мыслей. Приседаю напротив Катьки, трясую ее за плечи. Та поднимает на меня расфокусированный взгляд. И о чем только думает? Напилась, расклеилась, что нюня какая-то. И как это непохоже на сильную, волевою Катьку, всегда идущую напролом. Что с ней произошло, пока мы не виделись? – Кать, что с тобой стряслось? Ты чего расклеилась?

Она встряхивает головой, и из стильной прически выпадает кудрявая прядка. Она пытается сдуть ее, но та упрямо лезет в глаза, и Катька хмурится, сжав губы в тонкую полоску. А я легко запрокидываю прядку ей за ухо. Она отмахивается от меня. Встает. Смывает слезы вместе с макияжем: долго, тщательно, но красные глаза выдают ее с потрохами.

– Люблю я его, Алиска, – слезы текут по щекам, и Катька уже не стирает их, смотрит на себя удивленно, как будто видит впервые. – До одури. С детства люблю. И не понимаю, как такое возможно. А он... он... – она всхлипывает и морщится, как маленькая. – Он свою Лильку любит. Представляешь, ее семь лет уже нет, а он каждое воскресенье к ней на могилу ходит. Я следила, видела, – подняв палец, не дает мне возразить. – Цветы носит. Лилии для Лилии, – смеется странно, и от этого смеха мурашки по коже. Я смотрю на подругу ошарашенно и уже совершенно запуталась. Кого она любит? Марка? Бред какой-то. – А со мной спит так, подружески. Потому что шлюхами брезгует, а заводить постоянную любовницу – хлопотно.

– Кто спит? Марк? – перебиваю я, окончательно и бесповоротно заблудившись в откровениях подруги.

– Марк наоборот, профессионалок предпочитает. Заплатил, – она взмахивает рукой, щелкает пальцами, – получил удовольствие и никаких проблем. Да я уверена, они даже не знают, кто их трахает, – ухмыляется. – Ему девочек Андрей привозит.

Андрей? Юрист, что ли? Надо же. А я думала в наш век Интернета можно обходиться без посредников в таком интимном деле. Странно. Или этот юрист настолько близок Марку?

– А ты... – она резко разворачивается ко мне, подходит вплотную, прожигает взглядом. – С тобой рядом такой шикарный мужчина, а ты все страдаешь о своем Антоше, – кривится она.

– Так ты тоже сейчас не об ангеле плачешь, подруга, – возвращаю ей ее колкость, уже сообразив, о каком из братьев страдает Катька. – Сама же говорила, что Крис Ямпольский жуткий тип. Сволочь и подонок он.

– Жуткий, – соглашается Катька. – Но не подонок. Нет. Он честный и правильный до омерзения. Но я знаю о Крисе все, а ты что знаешь о своем Антоше? Ни-че-го.

– Так поделись, подруга, – выдыхаю так же язвительно. – Где он? Жив ли?

– А что же ты у мужа не спросишь, а? Как ты вообще додумалась сбежать с Антоном? – я опускаю взгляд.

А Катька отворачивается и внутри поселяется ощущение, что она меня презирает. А мне плевать. Я должна узнать, что с Антоном!

– Катя, – трогаю ее за плечо, она вздрагивает, – пожалуйста. Очень тебя прошу, помощи. Мне очень важно знать, жив ли Антон. Пожалуйста...

– Нет, – холодно отрезает подруга, и я не узнаю ее. Во взгляде – холод, в голосе – металл. – Хочешь узнать о своем Антоше, спроси у Марка. Думаю, у него сказочка получится куда интереснее.

– Кать... – голос неожиданно срывается.

– Знаешь, я, когда увидела вас сегодня наверху... как вы держались за руки... как смотрели друг на друга... возликовала, – она улыбается мечтательно. – Решила, что все получилось. Что Марк оттаял. Что ты совершила невозможное. Потом поняла, что так не бывает. Что еще вчера он вытащил тебя из постели другого. Что нельзя полюбить за сутки. Что нельзя вот такую близость сотворить за сутки. Я весь вечер искала подвох. Наблюдала за Марком. Как он сжимает твою ладонь, как напрягается, стоит Крису на тебя взглянуть. И я не понимаю... Что ты увидела там, наверху, в его взгляде? – она смотрит на меня, и мне становится неуютно под ее взглядом.

Я не знаю, что отвечать. Я сама ничего не понимаю. Тогда, на лестнице, произошло нечто необъяснимое и невозможное. Я не могла дать описание тому, что ощущала. В тот миг мне казалось, что я увидела настоящего Марка. Одинокого и очень ранимого, прячущегося за маской жестокости. И то, что Катя говорит дальше, выбивает почву из-под ног.

– Вспомни, подруга. Вспомни и подумай о том, как ты подставила Марка. Как из-за твоей выходки он едва не потерял все. Он жизни едва не лишился. Подумай и о том, что своего отца почти убила. Подумай, Алиса, – она бросает прощальный взгляд и подходит к двери, пальцами обхватывает ручку, поворачивает. – Подумай и наконец поговори со своим мужем. Повзрослей уже в конце концов.

– Почему? – останавливаю Катю, уже переступившую порог ванной комнаты. Хочется так много спросить, столько всего крутится в голове, но этот вопрос сам слетает с губ: – Почему ты так переживаешь за него?

– Потому что он моя семья. Потому что, кроме вас, у меня никого нет.

И уходит.

Я приседаю на бортик ванны. Что же за вечер такой дрянной? Все сегодня не так. Полнолуние, что ли, так странно действует? Почему сегодня не получается ненавидеть Марка? А ведь еще вчера я бы с удовольствием его придушила. А вместо этого – спасла. Я слышала, как Регин говорил, что, проснись я чуть позже, сердце Марка не выдержало бы. Почему так? Почему сейчас отчаянно хочется верить, что Марк не убил Антона? Почему перед глазами до сих пор его озорной взгляд и он сам, такой необычный в джинсах и кашемировой водолазке? И от Катькиных слов до сих пор трудно дышать. Может, действительно стоит поговорить с Марком?

Я ведь и правда не знаю, для чего Марку нужен весь этот цирк с женитьбой и игра в семью. И это ведь я виновата в том, как он вел себя до этого времени. Становится вдруг стыдно. И я принимаю единственно верное решение – поговорить с Марком откровенно. Пора расставить все точки над «і». Я встаю, выхожу из ванной и сталкиваюсь с холодным взглядом черных бездонных глаз. Страх ползет по позвоночнику, обнимает затылок скользкими щупальцами. Я знаю – этот тяжелый взгляд не сулит ничего хорошего. Марк хватает меня за руку, больно сжав запястье, и тянет за собой. Что же я опять натворила?

Часть 7

Алиса. Сейчас

Остаток вечера приходится изображать из себя счастливых новообращенных, хотя между нами так и звенит напряжение – прикоснись, убьет! Настолько осязаемое, что я невольно подрагиваю при каждом его прикосновении. А Марк вежлив до чертиков, улыбается и обнимает по-хозяйски. Катя на меня даже не смотрит, а вот Крис одаривает странным взглядом, от которого рука Марка, лежащая на моей талии, каменеет.

И уже после, когда Марк ведет меня по коридору, его хватка не ослабевает. Но Марк не выпускает, а, наоборот, прижимает крепче, будто боится, что сбегу. Была мысль, но как вырваться из его цепких пальцев? Я пытаюсь вывернуться на лестнице, чтобы хоть немного вздохнуть свободнее, но Марк бегло смотрит на меня. Равнодушно, и в его глазах непроглядная тьма. И от этого взгляда хочется завывать в голос. Больше я не сопротивляюсь, иду рядом, ощущая его тяжелое дыхание. И только стук трости эхом разносится по коридору.

Еще пара шагов, и мы оказываемся в совершенно незнакомой мне комнате. Светлая, она кажется огромной из-за больших, от потолка до пола, окон. Стены выкрашены в теплый «шампань», пол застлан мягким, в тон стенам, ковром. Удивительные цвета для черно-белого мира поместья. Марк усаживает меня на кожаный диван, сам подхватывает стул, ставит напротив меня.

Он садится верхом на стул, с трудом сдерживая собственную боль. Я вижу это по его напряженному лицу и сжатым в тонкую полоску побледневшим губам. Он смотрит пристально, будто пытается заглянуть в самую душу. По коже разбегаются мурашки: колкие, тянущие за собой непонятный страх. А он молчит. И это молчание угнетает, давит на плечи многотонным прессом, и еще немного, я буду ощущать себя как старая тачка на свалке – грудой металлолома. Страх ускоряет пульс, болью стучит в затылке, барабанит в висках. Я не знаю, чего ожидать от такого Марка.

А он просто наблюдает за мной. И сейчас от него пахнет яростью. Она искрится в вязкой тишине, готовая прорваться наружу... вот только чем? Очередной показательной казнью? Невольно передергиваю плечами, вспоминая, как Марк у меня на глазах пристрелил собаку, к которой я успела привязаться в этом чуждом доме.

Его звали Джун. Золотистый ретривер. Пес с большим сердцем. Он стал мне другом с первых дней. Встречал радостно, грустил, когда я уезжала по каким-то очередным делам, а по ночам прокрадывался в мою спальню, забирался под одеяло и обнимал своей тяжелой лапшей, тычась в шею мокрым носом. А как он любил купаться в пенной ванне, просто словами не передать. Правда, после таких купаний приходилось выдраивать спальню, в то время как Джун устраивался на постели и с очень умным видом выслушивал все мои ругательства по поводу его безалаберности и наглости.

В то утро я встречалась с Антоном, и он предложил мне побег. Он пообещал все уладить: достать деньги, чтобы расплатиться с Марком (по условиям контракта в случае разрыва брака в одностороннем порядке я должна выплатить кругленькую сумму денег в качестве неустойки), и перевезти отца в безопасное место. Я сомневалась, но днем Антон передал сообщение с адресом клиники, куда ему удалось перевезти папу, и номером его лечащего врача. И я разговаривала с папой, и он говорил, что Антон навещал его, и врачи ему нравились. А вечером ко мне пришел Марк и пригласил на прогулку. Мы гуляли по парку в полной тишине. Впрочем, к его молчанию я успела привыкнуть. В тот вечер мои мысли занимал побег. Я сомневалась. Сбежать – значит подставить Марка, ведь для него важен этот контракт. И он помог с папой тогда, когда никого не оказалось рядом. Но я представляла новую жизнь с Антоном.

Любовь и долгожданное счастье. Марку ничего не стоит найти мне замену и заключить новый контракт. Кто заметит, что жена немного иначе выглядит? В сомнениях я не заметила, как мы вышли к площадке, где тренировали Джуна. Никогда раньше здесь не была: вышки, тоннели, барьеры и еще куча всяких приспособлений на огромной территории. И Джун, внимательный, сосредоточенный, пролетевший через кольцо. Завидев нас, Джун проигнорировал очередную команду инструктора и рванул ко мне. Я отступила назад, приготовившись к его объятиям, как громкий выстрел взорвал окружающую тишину. Визг, скуление, голоса птиц и мой крик смешались воедино. Джун упал к моим ногам, и по его золотистой шерсти растеклось бурое пятно. Я рванулась было к нему, но сильная рука удержала на месте. Я медленно повернула голову к Марку. Он смотрел на Джуна без толики жалости. На лице – маска непроницаемости. Во взгляде – пустота. В опущенной руке – пистолет. А в голосе – лед.

– Такова цена предательства.

И боль, разламывающая на части, не дающая дышать. Он так и не дал мне попрощаться с Джуном. А ночью я сбежала...

И сейчас у Марка такой же взгляд – не человека, монстра, безжалостного и беспощадного. Марк усмехается понимающе, будто мысли читает, а мне неуютно под его взглядом. Хочется забиться куда-нибудь, чтобы не смотрел. Не выдерживаю, опускаю глаза.

– За что ты его так любишь? – спрашивает вкрадчиво, и в ровном голосе слышится разочарование.

– Кого? – переспрашиваю хрипло.

А Марк молчит. И я замечаю, как он вертит в руке пульт.

Марк направляет за спину пульт, и на большом экране вспыхивает фотография. На ней я и Антон, задувающие свечи. Последний наш снимок вдвоем. Мой день рождения полгода назад.

– Его. За что? – он хмурится и между бровей пролегает морщина. А фотография тем временем сменяется следующей: снова я и Антон в парке у фонтана. У Антона мокрые ноги и с волос стекает вода. Улыбаюсь, вспоминая, как он мою туфлю доставал. Смешной такой. Туфли, правда, потом выбросить пришлось, но это была удивительная прогулка. А на этой фотографии наш выпускной. Нас Катка фотографировала, выпустившаяся годом раньше.

– За это? – не дождавшись ответа, вновь спрашивает Марк. А на экране загорается видео. Незнакомая спальня, большая кровать. На ней двое: мужчина и женщина. Лица мужчины не видно – он лежит спиной, двигается, а блондинка под ним извивается и стонет. Пауза. На стоп-кадре видна армейская татуировка под лопаткой, как у Антона. Я замираю, едва дыша, всматриваюсь в экран. На следующем видео снова мужчина и женщина, голые, поглощенные страстью. Тот же мужчина, похожий на Антона, а женщина другая. И еще одно. Видео мелькают калейдоскопом, в глазах застывают слезы.

– Или за это? – голос Марка едва различим. Все мое внимание в очередном порнокино. Небольшая спальня, старый диван, скрипящий от малейшего движения, желтые занавески. Я узнаю эту комнату, в которой прожила всего ночь. Но не узнаю себя, седлающую Антона, ускоряющую темп, выгибающуюся и стонущую. Хотя девушка очень похожа. Но я знаю, что в ту единственную ночь после побега у меня ничего не было с Антоном. Ни единого поцелуя. Тогда кто эта девушка?

Горло пересыхает, дыхания не хватает, и слезы катятся по щекам. Марк следил за Антоном? На последнем видео точно он. Но с кем? И что за прежние видео? Кто те девушки? Кто тот мужчина? Тоже Антон? Столько вопросов рвалось наружу, а в горле ком. Не продохнуть.

– Он прислал мне это, – шумный вдох, выдох, – видео на электронную почту. В вечер твоего побега. И потребовал денег. Много. Грозил, если не заплачу, вот это, – он нажимает на паузу, и видео застывает на искаженном в экстазе лице Антона, – попадет в Интернет. Следующим письмом прислал номер счета и сумму.

Я смотрю на Марка и не верю. Антон не мог такого делать. Нет. Мотаю головой, ловя на себе осуждающий взгляд. Марк меня осуждает? За что? Это же...

Я отворачиваюсь, резко встаю, но колени подгибаются, перед глазами все плывет. Сильная рука удерживает от падения, прижимает к себе. Утыкаюсь носом в мягкий кашемир водолазки, пахнувший бергамотом и табаком. Пытаюсь вырваться, но Марк сильнее прижимает к себе. Его сердце гулко бьется в груди, мешает думать.

– Нет, – ударяю кулаком его в грудь. Марк отшатывается, выпускает меня из объятий, отступает, опершись на трость. – Я тебе не верю! Слышишь? Не верю! Антон не такой. Он не мог. Не мог изменить мне! Он порядочный. А ты... ты все это выдумал, слышишь?

Говорю и не верю собственным словам. И осознание правды увиденного сжимает сердце в кулак.

– Может, я и его манию к Катерине выдумал? – злится Марк. Снова щелкает пультом. Теперь на экране появляется Катька. На улице, в кафе, с Крисом и в собственной спальне, голая. Я прикрываю рот ладошкой. За ней подглядывали и фотографировали. Кто? Зачем? Марк?

А следом еще одно видео. На нем комната, выдержанная в лаконичном стиле «ничего лишнего». Внутри царит полумрак. Кое-где свечи выхватывают из темноты огромную кровать и тумбочку рядом. Рыжие язычки пламени отражаются в стеклянном потолке, чуть подрагивают. На кровати сидит Антон. Он что-то рассматривает со странным выражением лица.

– Я думаю, ты понимаешь, кто такой Ямпольский, – доносится приглушенный голос из колонок. – И что он с тобой сделает, узнай, что ты следил за его женщиной.

Антон, мой любимый Антон, усмехается зло.

– Да этому уроду начхать на нее, а ее боготворить надо. Она прекрасна, – и любовно гладит то, что держит в руке. И Марк нажимает на паузу, увеличивая стоп-кадр. И я вижу в руках Антона фото Кати. Боль прожигает насквозь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.